

Д. БЫКОВ*

Явившийся вовремя**

Чем меньше Россией управляешь, тем для нее лучше, но силу она чтит. Правда, революционер может рассчитывать, по крайней мере, на то, что проклинать его будут с уважением — так сказать, отдавая должное. Тирана в народе никогда не любят, хотя худшая часть народа — «лучшие люди города» — старательно изображает преданность ему. Но возродить его культ обычно пытаются начальство, и только тогда, когда большинство свидетелей уже вымерло. Так было с культом Грозного при Сталине и с культом Сталина при Путине: это явление официальное, а не массовое.

А вот с Петром и Лениным обстоит иначе. Ругают их главным образом те, кто от них пострадал: традиционалисты, изоляционисты, гуманитарии, церковники, политические противники (и то не все). Но народ вечно вспоминает о духе коллективного усилия, об азарте великих надежд, об открывшихся перспективах, пусть даже обманувших. Об атмосфере утопии, одним словом. Утопия — это то, что можем сделать с миром мы, антиутопия — то, что делает с нами он. Большую часть времени российские граждане живут в антиутопии. Но у них бывает несколько лет, когда им кажется, что от них — с той и другой стороны — что-то зависит.

Ленин умудрился разбудить этот азарт, после чего он сам и его наследники похоронили его надолго — может быть, навсегда. Но, кажется, он действительно верил в творческую силу масс и не считал себя пожизненным вождем. Он видел народ не союзом безликих единиц, не толпой, не охлосом: «Политику в серьезном смысле слова могут делать только массы, а масса беспартийная и не идущая за крепкой партией есть масса распыленная, бессознательная, не способная к выдержке и превращающаяся в игрушку ловких политиканов, которые являются всегда «вовремя» из господствующих классов для использования «подходящих» случаев». Массы в ленинском понимании — это именно народ, решающий свою судьбу, состоящий из личностей, не дающий себя одурачивать: прежняя модель политики — герой и толпа — его

* *Дмитрий Львович Быков* (наст. фамилия — Зильбертруд; р. 1967) — писатель-публицист, литературный критик, радио- и телеведущий, журналист, кинокритик. Политический мыслитель и активист, активно демонстрирующий свою оппозиционность в различных областях.

** Вышел в издании «Собеседник+», 2020, № 11 под заголовком «Ленин без бронзы».

не устраивала категорически. Что бы он там ни думал в действительности про себя, особенно в худшие минуты, как бы ни проклинал временами этот народ за его стадные инстинкты, — целью его было ни в коем случае не стадо, не оболванивание, а пробуждение. Он постоянно повторял, что одним авангардом и одной пропагандой битвы не выигрываются. И все, кто его знал, с ним работал, его слушал, изумлялись: ничего от вождя. Просто, когда вы его видели и с ним говорили, он заряжал вас уверенностью, что от вас нечто зависит, что история — не предначертание, что ее можно изменить. И на отчаявшихся ссыльных, сходявших с ума от безнадежности и безделья, и на эмигрантов, помешавшихся на внутривнутрипартийных склоках, он действовал одинаково — как антидепрессант (допускаю, что на кого-то — как красная тряпка на быка; но взбесить — тоже значит разбудить).

Отсюда двойственность его фигуры, мешающая рассмотреть Ленина сколько-нибудь объективно: с одной стороны — политик с безнадежно плоской и примитивной картиной мира, с другой — единственный человек в истории XX века, сумевший разбудить страну и вывести ее из рабства. О Ленине можно говорить что угодно — и мало ли что он сам говорил под горячую руку; нельзя сказать одного — что он презирал народ. Может быть, это было единственным, чего он не презирал. И народ ему заплатил благодарной памятью; и народ, сносивший памятники Сталину, памятников Ленину сносить не будет. Даже тогда, когда снова проснется (именно не если, а когда).

Настоящий хирург

«Коротка и до последних мгновений нам известна жизнь Ульянова» — писал Маяковский уже через полгода после его смерти; в жизни Ленина мало загадок: боюсь, интерес представляет во всей его биографии только один момент, а именно — был ли он немецким агентом (к этой проблеме мы вернемся). Все остальное расписано еще до появления «Биографической хроники» в двенадцати томах.

Он был большим марксистом, чем сам Маркс, объяснял все исключительно классовыми и материальными мотивами, обладал некоторыми зачатками литературного вкуса (обывательского, впрочем), а также эффектным, но агрессивным публицистическим стилем. Ленин, указывавший в анкетах профессию «литератор» (и с полным основанием — 55 томов за 30 лет работы), писал коротко и дельно, не терпел многословия, но грешил однообразием и подменял полемику руганью. Тезисы его грамотно сформули-

рованы и хорошо запоминаются, остроты метки, клички всегда прилипали (не последнее качество для политика), но картина мира, рисовавшаяся ему, удивительно скучна. Наверное, чтобы действовать, нужна именно такая, но иногда все-таки лучше думать, чем действовать. В сознание Ленина эта мысль совершенно не вмещалась. По своему, так сказать, амплуа он не терапевт, а хирург, и не зря Юра Живаго в романе Пастернака говорит о революции: «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали. Главное, что гениально? Если бы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. А тут, нате пожалуйста... Так неуместно и несвоевременно только самое великое».

Можно долго спорить, нуждалась ли Россия в тот момент именно в хирурге, а не в терапевте; но Ленин пришелся в самый раз и востребован был вовремя, хотя Февральская революция делалась без всякого его участия. И все недостатки его личности и характера: именно умение ссориться и размежевываться, а не объединяться, бедность и простота убеждений, всякое отсутствие метафизического чутья при очень развитом политическом, — бледнеют перед одним бесспорным достоинством: азартом. Недаром он так любил слово «драчка».

Откуда он взялся

Каким образом сформировался этот, без преувеличения, титанический характер? Искать национальные корни тут бессмысленно, потому что ни к одной национальной матрице образ действий и мыслей Ленина несводим: единственное, что он доказывает, — исключительные интеллектуальные и волевые качества метисов. В Ленине намешаны русская, калмыцкая, немецкая и еврейская крови. Его отец, внук крепостного и сын портного, был по образованию учитель математики, выпускник Казанского университета, впоследствии инспектор народных училищ. Мать — домашняя учительница. Владимир Ульянов — поздний ребенок (четвертый по счету): отец было почти сорок, матери тридцать пять. Его характер сформирован двумя событиями, последовавшими с годовым интервалом, когда ему было соответственно шестнадцать и семнадцать: сначала умер от инсульта отец (слабость сосудов и склонность к гипертонии Владимир унаследовал от не-

го и умер примерно в том же возрасте), потом казнили старшего брата Александра. О степени вины Александра Ульянова спорят, многие полагают, что он просто не стал отпираться от обвинений в терроре, не желая выгораживать себя за счет товарищей. Он был талантливым химиком, естественником, а какова была его истинная роль в создании террористической фракции «Народной воли» — мы вряд ли узнаем: советская историография, естественно, делала из него чуть ли не цареубийцу. Он отказывался просить императора о помиловании, но мать на единственном свидании умоляла его написать такое письмо — и он согласился (письмо, кстати, полно достоинства). Смерть отца, а потом брата сделала будущего Ленина, во-первых, человеком предельно самостоятельным, склонным опираться только на собственные силы; а во-вторых, внушила ему стойкое отвращение к обывателям: после казни брата Александра семья Ульяновых превратилась в зачумленную, у них перестали бывать, от них отшатнулся весь провинциальный Симбирск. Володя не просто обожал брата, он не мог простить горе матери, совершенно убитой, — и если бы российский суд знал будущее, Александра Ульянова наверняка бы помиловали... а впрочем, Владимира вряд ли остановило бы и это. Человек сугубо рациональный, он отлично видел всю недееспособность, неэффективность, недалекость российской власти — и даже если бы делал официальную карьеру, неизбежно вошел бы в противоречие с этой скрипучей и жестокой машиной.

Профессия — революционер

Все дело в том, что Ленин был по призванию и склонности профессиональным революционером — есть такая профессия, ничего не поделаешь. Когда-нибудь этому будут учить в институте, только называться это будет как-нибудь иначе — «кризисный менеджер второй степени», «экстремальный реформатор»... Революционер — профессия не хуже всякой другой, и Ленин это чувствовал, усвоив мысль Энгельса: «Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и все другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении» («Революция и контрреволюция в Германии»). Чувствовать слабости противника, точно подбирать соратников, оценивая их прежде всего по готовности на все и по личной преданности; агитировать, находить у врага уязвимые точки, вести партийную борьбу, отстраивать структуры для распространения литературы и для агитации в войсках, на фабриках, в деревне — для всего этого он был рожден.

Ленин сделал в России Октябрьскую революцию (некоторые называют ее переворотом, но это неточно) не потому, что сочувствовал обездоленным, и не потому, что желал видеть Россию процветающей мировой державой: патриотизм был мало ему присущ, как и любые иррациональные чувства. Он любил, конечно, волжский простор и все вот это, но сентиментальных эмоций относительно Симбирска не испытывал (вообще, кажется, ненавидел этот фарисейский, скучный купеческий город, где травили их семью); человек с такими взглядами едва ли вообще склонен придавать значение месту, где родился. Шовинистом Ленин не был тем более. Россия интересовала его не более, чем стартовая площадка — ракету, она годилась в качестве полигона для великого эксперимента, и эксперимент этот у него получился. Иное дело, что история над ним жестоко подшутила: в России можно было сделать революцию — но развить эту революцию было нельзя, все превращалось в ту же самую монархию. Он не дожил до этого перерождения, но интуитивно его почувствовал, и это, кажется, его добивало.

Ленин был практически беспомощен в быту, не слишком интересовался женщинами (и не знал у них особого успеха), не преуспел ни в одной из профессий — и, собственно, ни дня не проработал ни в качестве юриста, ни в качестве журналиста. Он был, разумеется, весьма умным, дисциплинированным и обучаемым человеком и на любой должности мог дойти до степеней известных, но его это не интересовало. Он был маниакально сосредоточен на политике — известен мемуар о том, как, восходя в Швейцарии на гору и остановившись передохнуть среди красивейших видов, он вдруг произнес «Эх, и гадят же нам меньшевики!» И если бы действительно серьезно изучать его биографию — следовало бы поставить во главу угла именно его профессиональные достижения. Перечисляя их хотя бы по книге Троцкого «Русская революция»: революция — это не заговор, не бланкизм, в котором Ленина вечно упрекали. Революция начинается с построения такого органа власти, который позволяет сместить старую власть и заменить ее, и для Ленина это были Советы. Именно они, а не террор и не пропаганда, были ключевым понятием русской революции.

Ленин отлично видел рыхлость российской власти: «Ткни — и развалится». Он понимал, что никакой поддержкой в массах она не пользуется и что терпение этих масс инерционно. Понимал он и то, что в России народился новый класс, который еще Писарев назвал «мыслящим пролетариатом», — и сделал ставку именно на этот класс: это уже не безликие, тупо покорные работяги, — это квалифицированные рабочие.

Новый класс, стремительное развитие российской индустрии, культуры, общественной мысли — все это перестало соответствовать монархии. Страной, где купцами и владельцами мануфактур были люди вроде Рябушинского и Саввы Морозова, где работали Блок и Горький, Станиславский и Комиссаржевская, — не могли править люди вроде ограниченных монархов, купленных министров и фальшивых идеологов. В это несоответствие Ленин и ударил. По большому счету власть в России всегда умудряется рухнуть под собственной тяжестью, ибо превышает порог своей компетенции; это и случилось — и этого момента Ленин не упустил.

Ленин и Европа

Значительную часть своей недолгой (54 года) жизни Ленин провел за границей — не по доброй воле, поскольку Европу не любил и считал, что после Парижской коммуны она вырождалась. С 1900 по 1905-й и с 1908 по 1917-й — в общей сложности 14 лет — он кочевал из Парижа в Лондон, из Австро-Венгрии в Швейцарию, и единственной его работой в это время была литературная, то есть создание партийных газет и сотрудничество в них, а также сочинение теоретических трудов, в которых он развивал и осовременивал марксизм. За границей разворачивалась и его семейная драма: женившись в сибирской ссылке на добившейся перевода к нему Надежде Крупской (девушке весьма эффектной, пока ее не обезобразила «базедка»), в Париже он увлекся Инессой Арманд. Но оба они с женой были воспитаны на Чернышевском, искренне считали, что без свободы личной, семейной не может быть и свободы политической, — и между Крупской и Арманд сформировались вполне товарищеские отношения.

Относительно европейской революции Ленин был скептиком, и не без оснований: система власти была прочней, демократичней, пролетариат — сытей, опыт поражений и разочарований — больше. В Европе в свою очередь не проявили особого интереса к нему. Но зато в России его авторитет был огромен, незыблем — все, кто его знал, вспоминали, что это был какой-то гипноз. Естественно, Ленин, как строгий материалист, отрицал любые «флюиды», а потому приходится признать, что весь гипноз его был основан на редком для русского характера твердом понимании того, чего он хотел, и готовности ничего и никого не пожалеть для достижения желаемого.

Личные качества Ленина, если рассматривать их в отрыве от революционного дела, не представляют особенного интереса: в обычной жизни он был совершенно никаким. Вот в деле его было

уж подлинно не остановить: тут для него не было ни моральных барьеров, ни неразрешимых задач. Когда встал вопрос о переезде в Россию весной семнадцатого, он был готов притвориться глухонемым, чтобы скрыть незнание шведского (ему собирались достать шведский паспорт для проезда через Германию), и если бы его стали пытаться, глумиться, щекотать до смерти — он все равно не вымолвил бы ни слова. Он готов был лететь в Россию на воздушном шаре — рассматривался и такой вариант. Когда ему надо было обратиться в Смольный в ночь с 24 на 25 октября 1917 года, его мог остановить любой патруль — и, пожалуй, не было бы Великого Октября, и у Виктора Пелевина блистательный рассказ «Хрустальный мир» повествует как раз об этом — как Ленин прорывается в Смольный с третьей попытки, замаскировавшись под сумку с пивными бутылками (которые «картаво скрежещут»); уж подлинно не было силы, способной его остановить. Если бы ему перекрыли все сухопутные пути — он бы приплыл; если бы обезводили Неву — нанял бы аэроплан. Не тот был человек, чтобы другие люди могли остановить его, тут требовалось сверхчеловеческое вмешательство.

Можно, конечно, «клубнички ради» поговорить о его кулинарных пристрастиях. Любил он то, что готовила теща, — сырники, обильно политые сметаной, блинчики, любил светлое пиво, от которого, как все рыжие, быстро краснел, — но вот уж кому было все равно, что есть. Он ел для поддержания жизни, а жил для революции. Окружающие имели для него только ту ценность, которую он сам им определял с точки зрения пролетарского дела. Каким он был человеком? Он не был человеком. Лучшую его характеристику дал Куприн, он же оставил самый точный его портрет, подтвердив тем свой писательский класс (некоторого успеха достиг А. Н. Толстой, изобразив его в виде инженера Гарина, и тут они в очередной раз совпали с Булгаковым: и профессор Персииков, и инженер Гарин изобрели таинственный луч, только луч Гарина резал, а луч Персиикова выращивал гигантские организмы — с равным успехом и кур, и гадов). Куприн видел Ленина раз в жизни в течение получаса, но понял все, ибо был цепок; не зря очерк называется «Моментальная фотография».

«У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое», что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная, ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например, медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. И весь он сразу произ-

водит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите...

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Разговаривая, он делает близко к лицу короткие, тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся. Другие такие глаза я увидел лишь один раз, гораздо позднее.

От природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков. Подыскивая сравнение к этому густо и ярко-оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника. Но это сравнение не удовлетворяет меня. Лишь прошлым летом в парижском Зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: «Вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз!»

В сущности, — подумал я, — этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути... Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая — уничтожаю».

Применяя Ленина

Такой человек был бы бесценен, окажись он на стороне самодержавия. Но — вот еще один российский парадокс: не был бы он на стороне самодержавия. Он вообще не брался за провальные проекты, острейшим чутьем всегда улавливая, за кем будущее. И ключевая мысль Ленина, мысль на все времена, к которой и нам еще придется обращаться на историческом нашем пути, — проста и насущна: как сделать народ реальным хозяином своей судьбы? Как разбудить в нем тот самый азарт, что сжигал Ленина, и направить его не на самоуничтожение, не на пытки, не на алкоголизм, азартные игры или массовый террор (то есть

на разнообразные формы самоублажения)? Как направить его на главное — на социальное творчество и решение собственной судьбы? По большому счету великой можно назвать только одну его позднюю статью — «Великий почин», потому что она как раз о социальном творчестве масс, о живой инициативе. Я рискнул бы сказать, что она совсем не марксистская, потому что суть коммунистического субботника — вовсе не в материальном стимуле. Людьми двигает цель, сознание, гордость, если угодно, — а с миром, где все решала выгода, покончено. Управлять собой, намечать себе цели, мыслить — вот то, чего Ленин требует от массы; наивно думать, что авангардным классом способен быть только пролетариат. Революционный класс — всегда новый, и чтобы его найти и на него поставить — надо быть именно профессиональным революционером, это искусство, и оно не для всех. Думаю, в Белоруссии таким передовым отрядом оказались айтишники. Кто это будет в России — понять пока нельзя; но если о чем-то дискутировать — то вот об этом. Пролетариат, если употреблять это слово в нарицательном смысле, — те, кто производит главные ценности момента. Это могут быть информационные технологии, а может быть, учитывая пандемию, вакцина. О, как Ленин использовал бы пандемию! И уж конечно, не для того, чтобы развалить миропорядок, а для того, чтобы поставить на врачей, поднять их, разагитировать! (Не для того, чтобы они валили власть: власть, как мы помним, при несменяемости сама падает, удерживать течение времени еще бесполезней, чем сжимать в кулаке воду. А чтобы было кому ее взять — это в «Почине» открытым текстом сказано: штука не в том, чтобы победить в борьбе, а чтобы удержать власть после борьбы.) И клянусь вам, у медицинского движения были бы перспективы: ведь от врачей сегодня зависит все, и, хочешь не хочешь, их пришлось бы слушаться!

Но кто из представителей политических партий, из идейных политиков работает сегодня с врачами, объясняет им их права, зовет их на борьбу? «Вставай, Ленин, вставай, милый, разбуди народ ленивый!» — Ленин встал, развел руками: «Что мне делать с дураками?!» Частушка всегда умней любых идеологов, потому Ленин и верил в народное творчество.

Может быть, от всего его наследия и от всей личности только и осталось, что этот азарт да вполне оправданная вера в то, что никакая история никуда не двинется, пока люди не будут решать свою судьбу самостоятельно (и очень может быть, что американский способ решения своей судьбы действительно устарел или находится в кризисе — опять России все придется придумывать впервые). Но уже сейчас можно с полной уверенностью сказать,

что у революционеров, сбрасывающих ленинские памятники, точно ничего не получится. Они просто не понимают, что делают, и по строгому счету не являются революционерами.

Личное

Ответим на несколько спорных вопросов, которые всегда волнуют любителей желтизны (а угождать этим любителям надо — это ведь Ленин учил, что следует учиться разговаривать с массами на понятном им языке; если ради этого кто-то прочтет — уже хорошо). Был ли у него сифилис? Не было. У него был унаследованный по отцовской линии атеросклероз, осложненный последствиями ранения в 1918 году: вторая пуля, которую боялись извлекать до 1922 года, сдавливала левую сонную артерию. Когда же ее извлекли, в артерии уже мог образоваться тромб. Подробнее все это изложено в книге Ю. Лопухина «Болезнь, смерть и бальзамирование Ленина: правда и мифы».

Были ли у Ленина дети? Не было. По крайней мере, никаких достоверных сведений о них мы не имеем.

Доверял ли Ленин Сталину? Не до конца, но кому он вообще доверял?! Никакого варианта, кроме коллективного руководства, в предсмертном «Письме к съезду» не просматривается. Есть, впрочем, гипотезы, что Ленин рассматривал в качестве наследника кого-то из хозяйственников — Пятакова, Рыкова, — но доказать это трудно. Такие политики, как Ленин, даже думая о самоубийстве (а он думал), не могут представить наследника и предпочитают не думать о нем.

Презирал ли Ленин русский народ? Не более, чем всякий другой народ, но это скорей не презрение, а неверие в самостоятельность массы, если ее не вдохновляет революционный авангард. В способность русского народа — может быть, исключительную — породить такой авангард он верил абсолютно. Вообще же имманентные, врожденные признаки — национальность, возраст, рост, вес, место рождения — волновали его мало: ведь это все иррациональное, никак не объясняемое с материалистической точки зрения. Не верил он в национальный характер (если не брать исторически сформировавшиеся привычки и фобии, которые в общем в решительный момент отбрасываются). Ленин всячески боролся с предрассудками и вообще со всем, чего рассудок не контролирует: для него и любовь имела смысл лишь тогда, если это любовь единомышленников, идущая на пользу дела.

Был ли он немецким агентом? Не был. Немцы использовали его, Ленин использовал их, но это не было договорными отноше-

ниями, и рассматривать русскую революцию как результат подкупа смешно, неуважительно к русскому народу. Русофобия-с. Февральская революция случилась без Ленина — аккуратно после того, как он сказал, что революцию едва ли увидят наши внуки; Октябрьская революция, как показал Солженицын, была неизбежна после Февральской (иной вопрос, был ли неизбежен именно Октябрь — но какая разница?). А по большому счету всех использовала русская история, которая в результате этой революции всего лишь восстановила прежнюю империю, только потолок пониже и мозг пожизне. «Мост перевернулся в воздухе и упал на прежнее место», как говорилось в пластинке нашего детства. Политическая система России была к началу Первой мировой глубоко и безнадежно мертва, и революция дала ей мощный гальванический удар. После чего труп ходил еще семьдесят лет, получая все более сильные удары и наконец рассыпавшись. Ничего нового на смену ему пока не построено. Гальванизировать его больше невозможно, и даже уничтожение всего населения не вернет стране энтузиазма, да и со страхом не очень получается. Нужна будет принципиально новая политическая система — не монархия, не вертикаль, не плутократия. Что это будет — сейчас обсуждать бессмысленно, но очень скоро в исторических масштабах это делать придется. Это жутко увлекательно — гораздо увлекательней любых споров о вялотекущем моменте.

Надо ли его закапывать? В исторической перспективе его, безусловно, следует похоронить там, где он хотел — на Волковском кладбище, рядом с матерью и любимой сестрой Ольгой. Но сегодняшним российским властям, ненавидящим всякую революцию и всякую народную самостоятельность, этого делать нельзя. Они недостойны этой исторической задачи, да и вообще мало чего достойны. Довольно с них того, что они самозабвенно закапывают страну: это у них все равно не получится, но усилия и средства тратятся большие.

Действительно ли он взял псевдоним в честь некой Лены? Нет, псевдоним появился благодаря Николаю Егоровичу Ленину, по чьему паспорту Ульянов уехал за границу. Но есть версия, что он как бы продолжает собою галерею лишних людей, названных в честь великих рек: Онегин — Печорин — Волгин (герой романа Чернышевского «Пролог» и псевдоним Плеханова, которого Ленин высоко чтит).

Ругался ли Ленин матом? По дневниковому свидетельству Корнея Чуковского (а тот слышал от матросов), крыл по матери так, что даже они завидовали. Но и мудро было бы человеку с его темпераментом, с его раздражительностью, с его наследственной гипертонией (Крупская вспоминает, что язык у него чернел

от волнения) обходиться без мата. И с чего бы? Не он ли говорил, что надо овладевать всеми богатствами языка?

С кем из соратников он дружил? Ни с кем. У него эта способность отсутствовала. На «ты» был с Зиновьевым. Если бы потребовалось его расстрелять, расстрелял бы без колебаний, только, возможно, на «ты» сказал бы: извини, мы большевики. Это было у него отмазкой на все случаи жизни. Большевик — значит не-человек. Плачущий большевик — оксюморон, влюбленный большевик — притворяется.

Называл ли он интеллигенцию говном нации? Отнюдь. Цитата из письма Горькому от 15 сентября 1919 года в действительности звучит так: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно. “Интеллектуальным силам”, желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт».

Лакеи капитала вполне могут быть говном, имеют полное право. Это касается любых лакеев. А вообще — ну подумаешь, сказал бы он что-то такое об интеллигенции? Сам-то был интеллигентом из дворян, никуда не денешься. И мы вправе были бы ответить в полном соответствии с его теорией: вы имеете полное право обзывать нас как угодно, а мы имеем полное право использовать вас так, как считаем нужным. Спросил же я как-то Славоя Жижекка, великого философа, автора «Тринадцати опытов о Ленине»: «Не смущает ли вас то, что Ленин бы вас наверняка расстрелял?» «Такие мелочи никогда не смущают настоящего философа», — гордо отвечал ученый.

А самым верным определением, данным ему когда-либо, остаются слова Горького из крайне фальшивого (и еще более фальшиво переписанного) очерка о нем: «Владимир Ленин был человеком, который так исхитрился помешать людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это».

И то, что люди воспользовались указанной им возможностью для того, чтобы свою жизнь еще больше изгадить, вовсе не означает, что попытки разбудить их следует прекратить.

Вероятно, этот текст вызовет много насмешек, упреков в лудоедстве и прочих одобрительных реакций. А может, не вызовет вовсе никаких. Это нормально. «Такие мелочи не должны смущать мыслителя».

Не беспокойтесь, мы обязательно его похороним. Но сначала все-таки история похоронит тех, кто стремился закопать его.

Нет, он не живее всех живых. Но некоторых — безусловно.